

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.04

РЕГИОНАЛИЗМ КАК ДРАЙВЕР АКТИВНОСТИ ЕВРОПЕЙСКИХ РЕГИОНОВ В ОТНОШЕНИЯХ С ЦЕНТРОМ

К.А. Сулимов

СУЛИМОВ Константин Андреевич, кандидат политических наук, зав. кафедрой политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет; научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов, Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Пермь, email: k.sulimov@psu.ru

Сулимов К.А. 2022. Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношениях с центром. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 38-54. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.04>

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00053 “Субнациональный регионализм и динамика многоуровневой политики (российские и европейские практики)”) в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

Статья поступила в редакцию: 27.12.2021. Принята к публикации: 17.06.2022

Аннотация. Регионализм стал одной из движущих сил в трансформации институциональной архитектуры взаимодействий территориальных политий разных уровней в рамках Европейского союза в течение последних десятилетий. Регионы приобрели, пусть и очень неравномерно, значительные полномочия в отношении самоуправления и влияния на принятие решений на других уровнях власти – национальном и ЕС. Но активность в использовании этих полномочий сильно варьирует в кросс-региональном и в кросс-национальном измерениях. Исследование построено на предположении, что регионализм, понимаемый как идеология и движение субнационального сообщества, политически представляемый регионалистскими партиями, является одним из факторов этой вариативности. Это предположение было проверено на материале использования регионами двух специальных механизмов взаимодействия с центром: региональные инициативы в национальных парламентах и оспаривание в конституционных судах решений национальных органов власти. Были собраны данные за период с 2001 по 2020 г. по 80 регионам Италии, Германии, Испании и Швейцарии (2 610 инициатив и 1 444 обращения в суд – без Швейцарии, хотя этим правом кантоны обладают). Также были определены регионалистские партии в этих регионах и использованы данные об их силе в региональных парламентах (всего 77 партий в 34 регионах). Ключевая гипотеза состоит в том, что сила регионалистских партий в регионе позитивно влияет на активность региона в использовании механизмов взаимодействия. Результаты анализа подтверждают значимость регионалистской силы для всех стран вместе и для каждой в отдельности в сочетании с менее устойчивым влиянием ресурсности и специфичности регионов. При этом есть значительные отличия между странами, которые можно объяснить тем, что эти два механизма включены в сильно различающиеся по степени институционализированности и политической значимости страновые системы отношений по линии “регионы – центр”, которые по-разному фреймируют региональные и регионалистские стратегии по использованию отдельных механизмов взаимодействия с центром.

Ключевые слова: регионализм, регионалистские партии, регионы, Италия, Германия, Испания, Швейцария, законодательная инициатива регионов, конституционный суд, многоуровневая политика.

За последние десятилетия в Европейском союзе существенно изменились принципы, формы и результаты взаимодействия между политико-террито-

риальными единицами разных уровней. Дисперсия власти “вверх”, “вниз” и “вбок” [Jensen, Koop, Tatham 2014] приводит к усилению (по крайней мере формальной) роли субнациональных и других акторов. В многоуровневом пространстве ЕС это выражается в росте возможностей влияния и активности регионов на европейской арене [Tatham 2019]. Внутри государств процессы децентрализации ведут к усилению автономности регионов в отношении внутреннего управления (*self-rule*) и к увеличению полномочий участия в управлении на уровне всей страны (*shared rule*) [Hooghe et al. 2016].

Одной из ключевых движущих сил трансформации институциональной организации стал регионализм, прежде всего в лице регионалистских партий, которые часто рассматриваются в качестве драйверов реформ децентрализации [Toubeau 2011; Toubeau, Massetti 2013]. При этом партии сами испытывают их последствия и вынуждены приспосабливаться к изменившимся условиям межпартийной конкуренции [Massetti, Schakel 2017], в чем проявляется возрастающая комплексность многоуровневой политики.

Другие субъекты происходящих изменений – региональные власти (правительства и legislatures). Полномочия регионов существенно расширились, хотя и неравномерно по странам и внутри отдельных стран. Отсюда следует вопрос о том, как они их используют и какие факторы определяют их активность в имеющихся условиях.

Так как полномочия лишь дают возможности, требуется совместное рассмотрение формальных возможностей (*legal authority*) и практической способности действовать (*capacity*). Именно в этой логике реализуются исследования “вертикальной” активности регионов на европейском уровне, когда формальные возможности сопоставляются с реальными действиями или их результатами для выявления влияющих факторов [Tatham 2015; Huwiler, Tatham, Blatter 2018; Панов 2021a]. Но в отношении внутристрановых процессов “вертикальному” взаимодействию регионалистских партий и региональных властей с центром (в логике *shared rule*) уделяется меньше внимания в сравнении с исследованием причин и последствий децентрализации, ведущей к большей автономии и самоуправлению (*self-rule*) [Mueller, Mazzoleni 2016].

Эти возможности весьма разнообразны, традиционно к ним относят взаимодействие через верхние палаты национальной legislatures, площадки межправительственных взаимодействий (*intergovernmental relations*), партийные каналы. В ряде стран регионы также могут обращаться в национальные конституционные суды в рамках специальных процедур для оспаривания решений национальных органов власти и имеют право законодательной инициативы на национальном уровне. Использование этих механизмов контекстуально, увязано с другими возможностями и каналами. Но у регионов есть явные стимулы к применению именно этих механизмов. В отличие от некоторых других, они предметно ориентированы (посвящены решению конкретных вопросов), публичны и формализованы. В интенсивности использования этих прав можно ожидать значительные вариации как во внутристрановом, так и в кросс-национальном измерениях.

Субъектами права обращения в конституционные суды и права законодательной инициативы в национальном парламенте являются региональные власти – правительства и legislatures. Факторы, определяющие их активность, разнообразны. В данной работе представлены результаты исследования возможного влияния на эту активность регионализма в лице регионалистских партий. Они входят в органы власти во многих европейских регионах [Massetti, Schakel 2018],

и реализация их регионалистских требований связана с принятием решений на национальном уровне. Соответственно, они заинтересованы в активном использовании имеющихся механизмов влияния через региональные органы власти. Иными словами, наличие и относительная сила регионалистских партий может повышать активность регионов в использовании обозначенных механизмов.

Законодательная инициатива регионов на национальном уровне и право инициативы регионов по решению споров с национальным центром в особой, конституционной, юрисдикции не распространены повсеместно. Для анализа выбраны европейские страны, в которых: а) все регионы обладают правами законодательной инициативы на национальном уровне и обращения в конституционный суд, б) представлены регионалистские партии. Это Италия, Германия, Испания и Швейцария¹.

Далее будут кратко представлены два механизма взаимодействия в контексте иных возможностей и имеющейся литературы, затем будут сформулированы гипотезы, описаны набор данных и зависимые переменные и, наконец, представлены результаты анализа и сделаны выводы.

ОБРАЩЕНИЯ РЕГИОНОВ В КОНСТИТУЦИОННЫЕ СУДЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛЕГИСЛАТУРЫ

Рассматриваемые механизмы взаимодействия регионов с национальным центром могут играть значимую роль в конкретных региональных стратегиях. Это демонстрируют два ярких кейса из нашей выборки. Бавария – самый активный регион из всех немецких земель по инициативам в бундесрате и в обращениях в конституционный суд за 20 лет. При этом ее активность существенно изменилась с начала двухтысячных к концу десятых годов. Если в первый период она сильно опережала все другие земли, то во второй резко сбавила обороты. Возможно, это изменение связано с тем, что с конца 1998 по конец 2005 г. Христианско-социальный союз – правящая партия Баварии – оказался вместе со своим общенациональным партнером ХДС в оппозиции на уровне страны. Именно в этот семилетний период Бавария предложила в разы больше инициатив, чем за любой другой аналогичный по длительности период, и восемь раз обращалась в суд, притом что после 2006 г. обращений было всего пять. Это можно истолковать таким образом, что, лишившись канала влияния через место в правительственной коалиции, регион активизировал использование других механизмов. А когда прежний канал был восстановлен (в правительстве А. Меркель), то Бавария постепенно снизила активность в бундесрате и в конституционном суде, но не до нуля. Другой пример, не нуждающийся в особых пояснениях, это Каталония. Она с 2001 по 2020 г., находясь часть времени в активном противостоянии с центром, с почти трехкратным отрывом опережает по количеству обращений в Конституционный суд Испании следующую за ней Андалусию.

Использование этих инструментов регионами исследуется не очень активно, особенно в части инициатив регионов в национальных парламентах. Нет даже полного понимания, в каком количестве стран субнациональные единицы обладают таким правом. По одному из подсчетов, таковых не менее полутора десятков, но автор отмечает, что это явно неполная оценка [Noble 2019]. Есть отдельные страновые исследования – например, по кантональным инициативам в Швейцарии [Mueller, Mazzoleni 2016], в котором показано, что

¹ В последнем случае не удалось собрать данные по обращениям кантонов в Верховный суд, поэтому использованы только данные по кантональным инициативам.

интенсивность использования регионами права законодательной инициативы может быть обусловлена “периферийными” факторами – удаленностью, наличием миноритарных языков и регионалистских партий. На мексиканском материале авторы сосредоточились на партийной конкуренции на уровне штатов и федеральном уровне как причине вариативности [Ugues, Vidal, Bowler 2017]. Однако кросс-национальных исследований до сих пор не проводилось.

С рассмотрением споров между регионами и центральными властями в конституционных судах или их аналогах дело обстоит лучше. Сам механизм представлен шире, и исследования такого рода есть, в частности, по Испании [Harguindeguy, Sola Rodríguez, Cruz Díaz 2018], Италии [Pellegrina, Garoupa 2013; Groppi 2008], Германии [Benz 2017; Sternberg et al. 2015], а также по многим федерациям [Aronoy, Kincaid 2017]. Правда, они фокусированы преимущественно на судах и факторах, определяющих их решения, а также на роли судов в системе в целом – являются ли они “федералистами” или “унитаристами”.

В рассматриваемых странах исследуемые механизмы имеют свои специфические черты, но тем не менее сохраняют общую логику – инициативы регионов в национальных парламентах могут привести к принятию национальных законов, а успешное оспаривание решений национальных властей в конституционных судах приводит к их изменению.

В технико-юридическом смысле инициативы регионов не всегда имеют форму законопроекта или реализуются в рамках стандартной законодательной процедуры. Так, в Германии федеральные земли действуют через бундесрат, верхнюю палату, которая сама состоит из представителей регионов. Если бундесрат соглашается с предложением земли, то инициатива становится законопроектом бундесрата, но всегда можно четко установить, кто был инициатором. В Швейцарии кантональные инициативы требуют одобрения обеих палат парламента и только после этого могут привести к запуску законодательной процедуры. В Италии регионы могут подавать законопроекты в обе палаты парламента одновременно, и часть регионов это регулярно делает. В Испании кроме собственно законопроектов выделяются инициативы, касающиеся статута автономий, соглашений между регионами и другие.

Конституционное производство в каждой стране тоже имеет свою специфику. Но, во-первых, во всех случаях регионы выделяются в качестве отдельного типа правомочных субъектов. И во-вторых, они могут инициировать судебное разбирательство по двум классам предметов: соответствию актов конституции и распределению компетенций/полномочий².

Общее количество региональных инициатив в четырех странах и обращений в конституционные суды в трех странах с 2001 по 2020 г. (и два десятилетних периода) представлены в табл. 1 и 2. Видны существенные кросс-страновые различия. Федеральные земли производят в разы больше инициатив, чем регионы в других странах. С обращениями в конституционные суды ситуация обратная – земли наименее активны, а лидируют итальянские области и автономные провинции. Эти различия между странами в целом устойчивы как минимум по двум десятилетиям (заметные отклонения – рост активности итальянских регионов по законопроектам и падение количества обращений в суд немецких земель).

² В Италии – *legittimità costituzionale u conflitti di attribuzione tra i poteri*; в Испании – *recurso de inconstitucionalidad u conflictos constitucionales de competencia*; в Германии – *Abstrakte Normenkontrolle* и *Bund-Länder-Streitigkeiten*. Есть и другие предметы, но дел по ним мало или вовсе нет, и для сопоставимости данных они исключались.

Таблица 1 (Table 1)

Количество региональных инициатив по периодам
The number of regional initiatives by periods

	2001-2010 (на регион)	2011-2020 (на регион)	2001-2020 (на регион)
Германия	945 (59)	816 (51)	1761 (110)
Италия	78 (3,7)	130 (6,2)	208 (9,9)
Испания	101 (5,9)	99 (5,8)	200 (11,7)
Швейцария	199 (7,7)	242 (9,3)	441 (17)

Источник: собственные расчеты автора по данным из официальных источников: Senato della Repubblica. <http://www.senato.it/3869>; Congreso de los Diputados. <https://www.congreso.es/busqueda-de-iniciativas>; DIP (Dokumentations- und Informationssystem für Parlamentarische Vorgänge. <https://dip.bundestag.de>; Die Bundesversammlung – Das Schweizer Parlament. <https://www.parlament.ch/de/ratsbetrieb/suche-curia-vista> (accessed 15.03.2021).

Таблица 2 (Table 2)

Количество обращений регионов в конституционные суды по периодам
The number of regional appeals to the constitutional courts

	2001-2010 (на регион)	2011-2020 (на регион)	2001-2020 (на регион)
Германия	50 (3,1)	25 (1,6)	75 (4,7)
Италия	503 (24)	405 (19,3)	908 (43,2)
Испания	261 (15,6)	200 (11,8)	461 (27,1)

Источник: собственные расчеты автора по данным из официальных источников: Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. <https://www.gazzettaufficiale.it>; Tribunal Constitucional de España. <https://hj.tribunalconstitucional.es>; Bundesverfassungsgericht. www.bundesverfassungsgericht.de (accessed 15.03.2021).

Между регионами внутри стран тоже есть серьезные различия в степени активности, хотя формальные возможности по этим двум механизмам у всех одинаковы. В Италии по обращениям в суд количество варьирует от 7 у Молизе до 95 у Тосканы, Тренто вообще не подавала законопроекты, а у Венето их 44. В Испании безусловный лидер по оспариванию – Каталония со 157 обращениями, Кантабрия не обращалась ни разу. Она же самая неактивная в инициативах – всего 2, а у лидера по этой активности, Страны Басков, 37. В Швейцарии по кантональным инициативам за 20 лет лидером является Женева – 67, Обвальден и Гларус подали всего по одной инициативе. В Германии наименее активна в бундесрате Мекленбург – Передняя Померания – 40 инициатив за 20 лет, у Баварии – 196. Бранденбург и Нижняя Саксония лишь по одному разу обращались в Конституционный суд, Бавария – 12.

Оба механизма взаимодействия включены в общую страновую систему отношений по линии “регионы – центр”, и можно думать, что соотносительная активность регионов по разным каналам определяется “качеством” этих систем в целом, т.е. их разнообразием, удобством, предсказуемостью, результативностью для регионов. Институциональные системы четырех стран явно различаются по этим характеристикам. Дело здесь не только в месте и силе верхних палат, которые традиционно рассматриваются в качестве основной площадки влияния субнациональных единиц на решения центра [Swenden 2010], но

и даже в большей степени – в “качестве” систем межправительственных взаимодействий. Именно они призваны обеспечивать рутинную повседневную координацию усилий в современных многоуровневых политиках по конкретным вопросам – так же как региональные инициативы и судебные оспаривания.

В ряде стран, в нашем случае в Германии и Швейцарии, межправительственные взаимодействия имеют долгую историю, высокую степень институционализации и хороший опыт решения политических проблем [Behnke, Mueller 2017], что способствовало дальнейшему усилению политической роли регионов [Schnabel, Mueller 2017]. Позитивный и функциональный настрой этих систем не означает отсутствия территориальных конфликтов, а значит, стимулов к отстаиванию интересов. В Германии, например, на экономическое и прочее неравенство регионов сильно повлияло объединение страны [Auel 2014].

В других странах – Испании и Италии – развернутые системы межправительственных взаимодействий существуют относительно недавно и по-прежнему сочетаются с асимметричным характером отношений и преобладанием вертикального билатерализма [Behnke, Mueller 2017]. В Испании центральное правительство явно доминирует в межправительственных отношениях. И хотя участие в них интересно региональным правительствам, потому что позволяет им отчасти компенсировать слабую роль, которую играет сенат Испании в процессе принятия решений на центральном уровне, они также активно обращаются в Конституционный суд, утверждая, что законодательство и регулирование центра посягает на их законодательные полномочия [Leon 2017]. В Италии сложилась схожая ситуация. Созданы структурные элементы федеративного государства, но степень централизации по-прежнему высока. При этом формальные межправительственные отношения и партийная политика не могут обеспечить полноценную функциональную координацию между уровнями власти. Как утверждают Ф. Палермо и А. Уилсон, “эта асимметричная и довольно дисфункциональная система территориальной организации требует обширного посредничества Конституционного суда” [Palermo, Wilson 2014: 510]. Это находит подтверждение в данных табл. 2.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА И ГИПОТЕЗЫ

В данном исследовании регионализм понимается как идеология и движение субнационального сообщества, нацеленные на политическое конституирование субнациональной административно-территориальной единицы, обретение ею политической субъектности, включение ее в политический процесс [Панов 2020].

Каузальная связь между регионализмом и активностью региона во взаимодействии с центром определяется в первую очередь тем, что реализация регионалистских требований возможна через принятие решений на национальном уровне. Соответственно, регионалисты заинтересованы в интенсификации многоуровневых взаимодействий. При этом в европейском контексте регионалисты политически действуют прежде всего в рамках регионалистских партий. Под таковыми в современной литературе вполне конвенционально понимают политические партии, которые действуют в одном или нескольких регионах (т.е. они являются региональными, *non-state-wide-parties* – NSWД), и при этом “политизируют территорию” для получения власти, выдвигают регионалистские требования, стремятся к получению регионом автономии,

увеличению объема его полномочий и т.п. (см., например, [De Winter, Türsan 1998; Dandoy 2010; Massetti, Schakel 2016 и др.]).

Программная риторика может трансформироваться в реальные действия. Например, регионалисты в двух швейцарских кантонах (Тичино и Женева) используют кантональные инициативы для электоральной мобилизации в конкуренции с другими партиями в своих кантонах [Mueller, Mazzoleni 2016]. Другие исследования, посвященные конкретным сюжетам, также подтверждают, что регионалисты продвигают интересы “своих” регионов и местных территорий через парламенты – и индивидуально как отдельные депутаты [Marangoni, Tronconi 2011], и через фракции регионалистских партий в национальной легислатуре (в тех случаях, когда они есть) [Hamann, Field 2015].

Можно ожидать, что регионалистские партии делают это и через региональные органы власти, которые являются субъектами политико-административной активности во взаимоотношениях с центром. Количество регионалистских партий, входящих в региональные парламенты и даже правительства, значительно увеличилось за последние два десятилетия, при этом их присутствие создает двумерное политическое пространство, к традиционному “лево-правому” добавляется “центр-периферийное” измерение [Massetti, Schakel 2018].

При этом под центром, от которого в первую очередь зависит положение региона, понимается именно собственное государство. Влияние силы регионализма на продвижение интересов региона на уровне ЕС неоднократно фиксировалось в разных предметных полях (см., например, [Панов 2021a]). Но когда встает выбор, на каком направлении сосредоточить основные усилия – на решении наднациональных, европейских вопросов или на достижении политических и институциональных изменений внутри страны, – регионалистские партии, видимо, склонны выбирать второе [Huwyler, Tatham, Blatter 2018].

Регионалистские партии не обязательно сосредотачиваются только на территориально-периферийных вопросах во взаимодействии с центром. В частности, в Испании они не часто формулируют свои политические предложения в терминах центра и периферии в парламенте [Hamann, Field 2015], кантональные инициативы в Швейцарии тоже явно шире по своему содержанию [Mueller, Mazzoleni 2016]: их субъектность, влияющая на субъектность регионов, проявляется в более широком круге вопросов, решение которых также может зависеть от центра. К этому их подталкивает конкуренция с другими, нерегионалистскими партиями.

Важно и то, что общенациональные партии, конкурируя с регионалистами часто меняют свои электоральные стратегии, включая в повестки территориальные проблемы в логике отношений “центр – регион” [Elias, Szöcsik, Zuber 2015], в частности в Италии существенное влияние оказала Лига Севера и ее успехи [Basile 2015]. Таким образом, даже если регионалисты не участвуют в исполнительной власти региона, само их наличие в региональных парламентах и электоральная угроза, которую они представляют, при некоторых условиях становится фактором, влияющим на поведение других партий [Alonso, Cabeza, Gómez 2015; Elias, Tronconi 2011], в том числе в отношениях с центром через региональные органы власти.

Эта линия рассуждений открывает еще одну логику – большая активность отдельных регионов в отношениях с центром не обязательно связана с представленностью регионалистских партий. “Заражение” “центр-периферий-

ной” тематикой может происходить кросс-регионально или под влиянием общественного мнения, не имеющего явного политического выражения, или в результате процессов децентрализации, которые меняют формальную рамку отношений с центром. То есть партии и региональные власти, не будучи регионалистскими, начинают при некоторых обстоятельствах обрабатывать эту тематику.

К таковым обстоятельствам принято относить специфичность региона, т.е. набор характеристик, которые выделяют его в ряду других территориальных единиц и на фоне всей страны в целом. Конкретный комплекс этих характеристик для каждого региона всегда уникален, но в литературе “собирается” из относительно стандартного набора: географическое положение, где имеет значение отдаленность/изолированность и возможная связь с другими территориями; история отношений с государством, в состав которого регион сейчас входит (история независимости/зависимости); культурная специфика, где чаще всего, но необязательно, акцентируется этничность в языковой и религиозной формах; особенное экономическое положение в виде хозяйственного уклада или уровня благосостояния [Houten 2007; Sorens 2008; Fitjar 2010]. В условиях давления или даже шоков экзогенного (например, экономический кризис, бюджетные сокращения) или эндогенного (например, подъем регионализма) свойства политические силы, не являющиеся регионалистскими, но действующие в регионе, могут увидеть политический смысл в “политизации территории”, акцентуации его специфичности во взаимодействии с центром.

Принято также выделять в качестве важного фактора, требующего контроля, ресурсное обеспечение активности регионов. Он может работать по-разному – и как стимул активности, и как условие ее обеспечения. Соотносительное богатство и бедность регионов может существенно влиять на активность и стратегии регионов, например в Германии проавтономистский “богатый юг” и профедералистский “бедный восток” ведут себя в отношениях с центром различно [Auel 2014]. На материале реализации регионами своих интересов на европейском уровне показано влияние различных аспектов ресурсности (благосостояние, демография) на их активность [Tatham 2015; Huwyler, Tatham, Blatter 2018], есть основания ожидать, что этот фактор значим и в отношениях регионов с национальным центром.

Исходя из вышеизложенного, сформулируем три гипотезы, которые будут далее протестированы.

Гипотеза 1. Сила регионалистских партий в регионе позитивно влияет на активность региона в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне и в отстаивании своих интересов во взаимоотношениях с центром путем обращения в конституционный суд.

Гипотеза 2. Регионы, обладающие более значительными ресурсами, проявляют больше активности в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне и в отстаивании своих интересов во взаимоотношениях с центром путем обращения в конституционный суд.

Гипотеза 3. Регионы, обладающие более значительной спецификой (исторической, социокультурной и географической), проявляют больше активности в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне и в отстаивании своих интересов во взаимоотношениях с центром путем обращения в конституционный суд.

ЕДИНИЦА АНАЛИЗА И ПЕРЕМЕННЫЕ³

Единица анализа – регион, понимаемый как административно-территориальная единица (АТЕ) первого субнационального уровня, в которой имеются органы власти, обладающие значительными полномочиями [Abels, Battke 2019]. В отличие от некоторых стран Европы, в Германии, Испании, Швейцарии и Италии определение того, какие АТЕ являются “регионами”, не вызывает проблем. В Германии это 16 земель, в Испании – 17 автономных сообществ⁴, в Швейцарии – 26 кантонов, в Италии – 20 областей. Однако поскольку одна из итальянских областей (Трентино Альто Адидже) разделена на две автономные провинции Южный Тироль и Тренто, которые фактически обладают полномочиями, характерными для области, именно они, а не Трентино Альто Адидже, рассматриваются как единицы наблюдения. Таким образом, общее количество наблюдений в выборке составляет 80 единиц.

Зависимые переменные – количество законодательных инициатив, представленных регионом в национальный парламент (ЗП), и количество обращений в конституционный суд, направленных против национальных органов власти, поступивших от региона (КС). Для выявления возможной динамики эти показатели рассчитаны как за весь период 2001-2020 гг., так и отдельно за 2001-2010 и 2011-2020 гг. Поскольку нас интересует именно активность регионов по обоим направлениям, результативность законодательных инициатив и обращений в суд не учитывалась.

Набор независимых переменных вытекает из сформулированных выше гипотез. На основе анализа электоральной статистики (общенациональные и региональные выборы) за период 2001-2020 гг. были выделены все региональные партии, а изучение их программ / электоральных манифестов позволило проверить эти партии на наличие регионалистских требований. В результате был составлен список регионалистских партий во всех регионах Германии, Италии, Испании и Швейцарии. Поскольку нас интересует активность регионов, сила регионалистских партий (СилаРП) измерялась по их результатам на выборах региональных парламентов. Было рассчитано среднее значение доли мест, полученных регионалистской партией в региональном парламенте за весь период 2001-2020 гг., а также отдельно за 2001-2010 и 2011-2020 гг. (в процентах). В тех регионах, где действует несколько регионалистских партий, их места суммировались. Из 80 регионов только в 34 регионалистские партии были представлены в региональных парламентах (всего 77 партий): 18 регионов в Италии, 13 в Испании, 2 в Швейцарии и 1 в Германии. При этом их “сила” существенно варьируется: от 0,5% мест в среднем за 2001-2020 гг. (Базиликата в Италии) до 76,9% (Южный Тироль).

Для измерения “ресурсности” региона использован стандартный индикатор – валовый региональный продукт на душу населения (ВРП-дн). Для того чтобы учесть кросс-страновые различия, ВРП-дн был взвешен валовым национальным продуктом на душу населения, так что значение больше “1” имеют регионы, экономически более благополучные на фоне данной страны, а менее “1” – относительно бедные. На основе данных Евростата за 2001, 2011

³ Большая часть использованного набора данных взята из базы данных “Субнациональный регионализм и многоуровневая политика (REG-MLG)” [см.: Панов 2021б].

⁴ Два автономных города Сеута и Мелилья исключены из исследования в силу их особого положения.

и 2017 гг.⁵ были рассчитаны средние значения ВРП-дн за весь период (среднее арифметическое за три указанных года), а также за первое (среднее значение 2001 и 2011 гг.) и второе десятилетие (среднее значение 2011 и 2017 гг.)⁶.

Индекс “специфичности региона” представляет собой комбинацию трех показателей. Во-первых, для измерения исторической специфики использована кодировка Р. Фитьяра, представленная в работе о региональной идентичности в 13 странах Европы [Fitjar 2010]. Она состоит из трех компонентов: 1) регион не был в составе государства при его образовании (не входит в “историческое ядро”); 2) регион был самостоятельным государством после того, как образовалось государство, в которое он сейчас входит; 3) на протяжении XX столетия были периоды, когда регион не был частью государства, в которое он теперь входит. Каждый из трех компонентов кодируется дихотомически, в результате индекс исторической специфики региона принимает значение от 0 до 3. Поскольку Швейцария не включена в исследование Фитьяра, швейцарские кантоны закодированы самостоятельно по его методике.

Во-вторых, для измерения социокультурной специфики регионов использована база данных *RAI-Rokkan*, созданная группой исследователей в рамках проекта *Regional Authority Index (RAI)*⁷, где закодирована языковая и религиозная специфика регионов [Shair-Rosenfield et al. 2021]. В качестве “особых” в социокультурном отношении определены регионы, обладающие явно выраженной языковой и/или религиозной спецификой относительно страны в целом: семь швейцарских (франкоязычные кантоны и италиязычный Тичино)⁸, пять испанских, шесть итальянских и один германский регион (Бавария).

В-третьих, для измерения географической специфики регионов сконструирован композитный индекс, в котором суммированы несколько стандартных географических параметров: 1) столичный статус; 2) изолированность региона (острова, эксклавы); 3) выход к морю; 4) пограничность (регионы, имеющие сухопутные границы с другими странами).

Нас интересует влияние специфики региона на активность в реализации права законодательной инициативы и в обращениях в конституционный суд в целом, а не отдельных аспектов, поэтому индексы исторической, социокультурной и географической специфики были дихотомизированы и скомбинированы в итоговый показатель СпецРег, который принимает значения от “0” до “3” соответственно.

Дескриптивная статистика по всем переменным представлена в табл. 3.

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА

Для тестирования гипотез использована множественная линейная регрессия. Анализ сделан применительно к трем временным периодам: в целом за 2001-2020 гг. и отдельно по 2001-2010 (в моделях помечены литерой “а”) и 2011-2020 гг. (литера “б”). Результаты анализа представлены в табл. 4 и 5.

⁵ Eurostat: Your key to European statistics. <https://ec.europa.eu/eurostat/data/database> (accessed 26.03.2021).

⁶ Так как Швейцария не входит в ЕС и отсутствует в статистике Евростата, для нее использована статистика ОЭСР: OECD.Stat. <https://stats.oecd.org> (accessed 26.03.2021).

⁷ Regional Authority. <https://garymarks.web.unc.edu/data/regional-authority> (accessed 26.03.2021).

⁸ По Швейцарии в кодировку *RAI-Rokkan* были внесены некоторые уточнения.

Дескриптивная статистика
Descriptive statistics

	N	Минимум	Максимум	Среднее	Медиана	Стандартное отклонение
ЗП (2001-2020)	80	0	196	32,63	14,00	45,09
КС (2001-2020)	54	0	157	26,74	17,00	29,88
СилаРП (2001-2020)	80	0,0	76,9	8,70	0,00	17,39
ВРП-дн (2001-2020)	80	0,60	2,25	0,98	0,90	0,29
Историческая специфика	80	0	1	0,44	0,00	0,50
Социокультурная специфика	80	0	1	0,24	0,00	0,43
Географическая специфика	80	0	1	0,79	1,00	0,41
СпецРег	80	0	3	1,46	1,00	0,98

Примечание: ЗП – количество законодательных инициатив, представленных регионом в национальный парламент; КС – количество обращений регионов в конституционный суд, направленных против национальных органов власти; СилаРП – сила регионалистских партий (доля мест в региональных парламентах); СпецРег – индекс исторической, социокультурной и географической специфичности региона; ВРП-дн – валовый региональный продукт на душу населения (взвешен ВВП на душу населения).

Как доказано многими исследователями, “сила регионализма” в значительной мере объясняется спецификой региона [Fitjar 2010; Sorens 2008; van Houten 2007; Massetti, Schakel 2017]. Следовательно, при включении переменной СилаРП в одну модель с переменными, характеризующими региональную специфику, возможна медиация. Поэтому выявление эффектов силы регионализма, ресурсности региона и его специфических характеристик на ЗП и КС тестировалось отдельно в разных регрессионных моделях – модели 1 для СилаРП и модели 2 для остальных переменных.

Поскольку в активности регионов наблюдаются мощные кросс-страновые различия, во все модели включены биномиальные страновые предикторы. Наибольшие отличия от других стран показывают регионы Германии. В законодательных инициативах немецкие регионы демонстрируют нетипично высокую активность, а по обращениям в конституционный суд, напротив, необычно низкую. По этой причине в обоих случаях именно Германия была определена как опорная категория. Наряду с биномиальными предикторами во все модели в качестве контрольной переменной включена численность населения региона (логарифмирована).

Результаты анализа подтверждают, что ключевое значение для объяснения активности регионов и в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне, и в отстаивании своих интересов во взаимоотношениях с центром путем обращений в конституционный суд имеет страновая специфика. Все страновые предикторы значимы во всех моделях. Если брать период 2001-2020 гг., в области законодательной инициативы “принадлежность” региона к Германии увеличивает количество законопроектов на 58-66 (в за-

висимости от набора предикторов) по сравнению со Швейцарией, на 93-97 по сравнению с Испанией и на 95-99 по сравнению с Италией. Что касается обращений в конституционный суд, “принадлежность” к Испании увеличивает их количество по сравнению с Германией на 21-26, а к Италии – на 37-41 обращение. Поскольку в 2010-х годах активность регионов и по законопроектам, и по обращениям в суд несколько снизилась по сравнению с первым десятилетием, соответствующие коэффициенты у всех страновых предикторов принимают более низкие значения, однако сохраняют статистическую значимость, а соотношения между странами остаются примерно теми же.

Таблица 4 (Table 4)

Результаты регрессионных моделей (зависимая переменная ЗП)

OLS regressions for number of regional legislative initiatives

	Model 1 (2001-2020)	Model 1a (2001-2010)	Model 1b (2011-2020)	Model 2 (2001-2020)	Model 2a (2001-2010)	Model 2b (2011-2020)
Италия	-98,625*** (6,580)	-54,240*** (5,068)	-44,220*** (4,070)	-95,175*** (6,673)	-52,008*** (5,448)	-43,170*** (3,618)
Испания	-96,740*** (6,843)	-52,833*** (5,329)	-44,340*** (4,170)	-92,746*** (6,919)	-49,611*** (5,653)	-43,189*** (3,982)
Швейцария	-58,066*** (8,621)	-29,535*** (6,817)	-27,495*** (5,179)	-66,105*** (9,010)	-34,915*** (7,416)	-30,988*** (5,148)
Население	26,050*** (4,745)	15,709*** (3,737)	10,878*** (2,866)	20,144*** (5,194)	12,293*** (4,260)	7,936*** (2,984)
СилаРП	0,498*** (0,134)	0,396*** (0,106)	0,160** (0,079)			
ВРП-дн				18,367** (7,607)	8,858 (6,255)	8,971** (4,432)
СпецРег				4,188* (2,418)	1,436 (1,972)	2,756* (1,398)
Константа	-62,278** (31,471)	-45,268* (4,093)	-20,654 (18,988)	-45,731 (33,926)	-32,060 (27,803)	-13,651 (19,476)
Скорректи- рованный R-квадрат	0,826	0,707	0,716	0,815	0,660	0,728
N	80	80	80	80	80	80

Примечание: в скобках даны робастные стандартные ошибки; * – коэффициент значим на уровне 0,1; ** – на уровне 0,05; *** – на уровне 0,01; N – количество наблюдений.

Во всех моделях коэффициенты переменной СилаРП оказываются статистически значимыми. За период 2001–2020 гг. увеличение доли регионалистских партий в региональном парламенте на каждые 10% дает прирост активности региона во взаимоотношениях с центром на 5 законодательных инициатив и на 7 обращений в суд. Следует подчеркнуть, что влияние предиктора СилаРП устойчиво, оно прослеживается не только на всем периоде наблюдений, но и на отдельных отрезках. Правда, если по законопроектам значение коэффициента в 2010-х годах несколько снизилось (0,16 против 0,40), по обращениям в суд оно, наоборот, немного выросло (0,41 против 0,30). Это подтверждает основную гипотезу данного исследования относительно влияния силы регионалистских партий на активность регионов в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне и в отстаивании своих интересов во взаимоотношениях с центром путем обращения в конституционный суд.

Что касается ресурсности и специфики региона, в целом теоретические ожидания подтверждаются. Во всех моделях коэффициенты соответствующих предикторов имеют положительные значения, но не всегда оказываются статистически значимыми.

Таблица 5 (Table 5)

Результаты регрессионных моделей (зависимая переменная КС)
OLS regressions for number of regional appeals to the constitutional court

	Model 1 (2001-2020)	Model 1a (2001-2010)	Model 1b (2011-2020)	Model 2 (2001-2020)	Model 2a (2001-2010)	Model 2b (2011-2020)
Италия	36,753*** (7,341)	21,994*** (4,827)	14,317*** (3,445)	41,162*** (8,157)	23,002*** (5,059)	18,129*** (4,004)
Испания	20,836*** (7,623)	12,762** (5,063)	7,837** (3,524)	26,485*** (8,424)	14,819*** (5,231)	11,630*** (4,127)
Население (лог)	24,167*** (6,783)	13,029*** (4,548)	10,997*** (3,113)	14,726* (7,744)	9,494* (4,814)	5,192 (3,798)
СилаРП	0,713*** (0,151)	0,302*** (0,102)	0,408*** (0,068)			
ВРП-дн				20,274 (13,922)	12,932* (8,151)	5,540 (6,691)
СпецРег				8,292** (3,922)	2,537 (2,421)	5,854*** (1,938)
Константа	-155,992*** (44,796)	-83,300*** (30,041)	-71,665*** (20,537)	-123,643** (52,454)	-76,239** (32,615)	-46,491* (25,72)
Скорректи- рованный R-квадрат	0,518	0,367	0,567	0,390	0,307	0,380
N	54	54	54	54	54	54

Примечание: в скобках даны робастные стандартные ошибки; * – коэффициент значим на уровне 0,1; ** – на уровне 0,05; *** – на уровне 0,01; N – количество наблюдений.

Следует заметить, что все модели имеют достаточно высокую объяснительную силу, значение скорректированного коэффициента детерминации (R-квадрат) для переменной ЗП колеблется от 0,67 до 0,83. Для моделей с КС оно несколько меньше (между 0,31 и 0,52), но здесь и количество наблюдений составляет только 54. Нетрудно предположить, что это в значительной мере объясняется включением в анализ бинарных страновых предикторов, поэтому дополнительного изучения требует вопрос, насколько выявленные взаимосвязи находят подтверждение для каждой страны по отдельности. Для ответа на этот вопрос построены графики связи между ключевыми независимыми (СилаРП и ВРП-дн) и зависимыми переменными⁹.

На графиках явно прослеживаются существенные кросс-страновые различия с точки зрения взаимосвязи между силой регионализма, “ресурсностью” регионов и их активностью в законодательных инициативах и обращениях в суд. Так, немецкие регионы показывают весьма высокую взаимосвязь как между СилойРП и ЗП, так и между ВРП-дн и ЗП. Иначе говоря, в Германии оба фактора существенно влияют на законопроектную активность регионов. Но этого нельзя сказать про обращения в суд (здесь взаимосвязи очень

⁹ См. рисунки 1-2 приложения на сайте журнала <https://www.politstudies.ru> в разделе “Архив журнала” – 2022 – № 6. Сулимов К.А. Регионализм как драйвер активности европейских регионов в отношениях с центром.

слабые), поскольку их количество в Германии незначительно, а главное — кросс-региональная вариативность невелика.

В Италии, напротив, комбинация силы регионалистских партий и “ресурсности” регионов обнаруживает достаточно сильную взаимосвязь с обращениями в суд. Но такая взаимосвязь почти отсутствует, если мы смотрим на законодательную активность регионов. Более того, на этот вид активности не оказывает влияния и уровень экономического благосостояния итальянских регионов. Этому, однако, есть объяснение: наиболее сильные регионалистские партии в Италии сложились в таких регионах, как Южный Тироль, Тренто, Валле д’Аоста — это именно те регионы, которые обладают специальным статусом и имеют в своем распоряжении иные, более эффективные каналы продвижения своих интересов на национальном уровне. Регионы и провинции со специальным статусом (кроме названных, это еще Фриули — Венеция Джулия, Сицилия и Сардиния) включены в общестрановую систему межправительственных отношений, но с существенными дополнениями. Ключевое место среди них занимают специальные совместные комиссии для каждого особого региона, которые разрабатывают акты по имплементации статута автономии региона, официально принимаемые затем национальным правительством. Посредством этих актов региону фактически передаются дополнительные полномочия и при этом они имеют высокую юридическую силу [Palermo, Wilson 2014]. Из-за этого регионы, которые активно их используют (это как раз автономии на севере страны), теряют стимулы к законодательным инициативам в парламенте. И действительно, именно Южный Тироль, Тренто и Валле д’Аоста или малоактивны в законодательных инициативах, или вовсе их не используют (как Тренто).

Наиболее явная связь между силой регионалистских партий и активностью регионов по ЗП обнаруживается в Швейцарии. Несмотря на то что здесь всего два региона с регионалистскими партиями (Тичино и Женева), оба они настолько активны, что создают серьезную статистическую взаимосвязь. Экономический фактор в Швейцарии, наоборот, слабо влияет на ЗП.

Устойчивую и соответствующую теоретическим ожиданиям взаимосвязь между Силой РП и ВРП-дн, с одной стороны, и активностью регионов в ЗП, и отчасти в КС — с другой, демонстрируют испанские регионы (высокий наклон линии аппроксимации в сочетании с высокими значениями R-квадрат). Иными словами, Испанию можно считать своего рода “модельной страной”, где комбинация силы регионалистских партий и “ресурсности” регионов лучше всего объясняет их активность в реализации права законодательной инициативы на национальном уровне и в отстаивании своих интересов во взаимоотношениях с центром путем обращения в конституционный суд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общий замысел исследования состоял в выявлении взаимосвязи между силой проявления регионализма в формате регионалистских партий и активностью регионов в законотворческой деятельности на национальном уровне и обращениях в конституционный суд. В целом результаты подтверждают наличие — и общей для четырех европейских стран, в которых субнациональные единицы первого уровня обладают правом использования этих механизмов, и в каждой стране отдельно, — взаимосвязи между силой регионалистских партий и активностью регионов в рамках двух формальных механизмов взаимодействия с национальным центром. То есть первая гипотеза полностью

подтвердилась. Также по всей выборке подтвердились вторая и третья гипотезы, но влияние ресурсности и специфики региона на активность в конституционном оспаривании и инициативах в национальных парламентах не так устойчиво, как влияние силы регионалистских партий. В разных странах обнаруживаются разная значимость силы регионализма и ресурсности и их сочетания, везде свои специфические закономерности.

Различия между странами можно объяснить тем, что два исследуемых механизма включены в сильно различающиеся по степени институционализации и функциональной значимости страновые системы отношений по линии “регионы – центр”, которые по-разному фреймируют региональные стратегии. При этом внутри стран с сильными и многочисленными регионалистскими движениями (Италии и Испании) постепенно меняется общее соотношение использования “конфликтного” и “позитивного” механизмов: рост количества региональных инициатив в национальных парламентах при снижении случаев конституционного оспаривания. Разнонаправленные процессы особенно интересны для последующих исследований, потому что могут быть свидетельством продолжающейся перестройки всей системы отношений между регионами и центром в этих странах и помогают понять характер этих изменений. Логика состоит в том, что уменьшение количества обращений в суд означает снижение конфликтности в отношениях при одновременном увеличении значимости “позитивных” механизмов, что проявляется в росте объема законодательных инициатив.

DOI: [10.17976/jpps/2022.06.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.04)

REGIONALISM AS A DRIVER OF EUROPEAN REGIONS' ACTIVITY IN THEIR RELATIONS WITH NATIONAL AUTHORITIES

K.A. Sulimov^{1, 2}

¹ Perm State University. Perm, Russia

² Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Perm, Russia

SULIMOV, Konstantin Andreevich, Cand. Sci. (Polit. Sci.), Head of the Department of the Political Sciences, Perm State University; Researcher, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Perm, email: k.sulimov@psu.ru

Sulimov, K.A. (2022). Regionalism as a driver of European regions' activity in their relations with national authorities. *Polis. Political Studies*, 6, 38-54. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.04>

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant no. 19-18-00053 “Subnational Regionalism and Dynamics of Multi-Level Politics (Russian and European Practices)”, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

Received: 27.12.2021. Accepted: 17.06.2022

Abstract. Over the past decades, decentralization has become one of the driving forces in the institutional transformation of EU member states. Regions have achieved greater authority both in their own power (self-rule) and in their involvement in decision-making at the national level (shared-rule). Nevertheless, the use of these powers varies greatly across the regions from both a national and a subnational perspective. There is a good reason to suppose that regionalism, which is defined as a movement seeking greater regional autonomy and is primarily expressed by regionalist parties, is one of the main factors of this variability. Testing this hypothesis, we focus on two instruments of shared-rule, the rights of the regions to submit legislative initiatives to the national parliament, and to appeal to the constitutional court against the national authorities. We identified all regionalist parties and their strength in regional legislatures (77 parties in 34 regions), regional initiatives (2610) and appeals (1444) over 2001-2020 in Italy, Germany, Spain, and Switzerland, where all the regions have these rights. OLS regression

confirms that the strength of regionalist parties has a positive and statistically significant impact on the activity of the regions in both legislative initiatives and appeals to the court, in combination with the less significant influence of such factors as resource capacity and regional specificities. At the same time, we find substantial cross-national differences in using two instruments of shared-rule.

Keywords: regionalism, regionalist parties, regions, Italy, Germany, Spain, Switzerland, regional legislative initiative, constitutional court, multilevel politics.

References

- Abels, G., & Battke, J. (Ed.). (2019). *Regional governance in the EU: regions and the future of Europe*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781788978620>
- Alonso, S., Cabeza, L., & Gómez B. (2015). Parties' electoral strategies in a two-dimensional political space: evidence from Spain and Great Britain. *Party Politics*, 21(6), 851-865. <https://doi.org/10.1177/1354068815597576>
- Arony, N., & Kincaid, J. (Ed.). (2017). *Courts in federal countries: federalists or unitarists?* Toronto: University of Toronto Press.
- Auel, K. (2014). Intergovernmental Relations in German Federalism: co-operative federalism, party politics and territorial conflicts. *Comparative European Politics*, 12(4-5), 422-443. <https://doi.org/10.1057/cep.2014.13>
- Basile, L. (2015). A dwarf among giants? Party competition between ethno-regionalist and state-wide parties on the territorial dimension: The case of Italy (1963-2013). *Party Politics*, 21(6), 887-899. <https://doi.org/10.1177/1354068815597574>
- Behnke, N., & Mueller, S. (2017). The purpose of intergovernmental councils: a framework for analysis and comparison. *Regional & Federal Studies*, 27(5), 507-527. <https://doi.org/10.1080/13597566.2017.1367668>
- Benz, A. (2017). The Federal constitutional court of Germany: guardian of unitarism and federalism. In N. Aroney, & J. Kincaid (Ed.), *Courts in federal countries: federalists or unitarists?* (pp. 193-222). Toronto: University of Toronto Press.
- Dandoy, R. (2010). Ethno-regionalist parties in Europe: a typology. *Perspectives on Federalism*, 2(2), 194-220.
- De Winter, L., & Türsan, H. (Ed.). (1998). *Regionalist parties in Western Europe*. London: Routledge.
- Elias, A., Szöcsik, E., & Zuber, CI. (2015). Position, selective emphasis and framing: How parties deal with a second dimension in competition. *Party Politics*, 21(6), 839-850. <https://doi.org/10.1177/1354068815597572>
- Elias, A., & Tronconi, F. (2011). From protest to power: autonomist parties in government. *Party Politics*, 17(4), 505-524. <https://doi.org/10.1177/1354068811400528>
- Fitjar, R. (2010). Explaining variation in sub-state regional identities in Western Europe. *European Journal of Political Research*, 49(4), 522-544. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2009.01907.x>
- Groppi, T. (2008). The Italian Constitutional court: towards a 'multilevel system' of constitutional review. *Journal of Comparative Law*, 3(2), 100-117.
- Hamann, K., & Field, B.N. (2015). Framing legislative bills in parliament: regional-nationalist parties' strategies in Spain's multinational democracy. *Party Politics*, 21(6), 900-911. <https://doi.org/10.1177/1354068815597575>
- Harguindeguy, J.-B., Sola Rodríguez, G., & Cruz Díaz, J. (2018). Between justice and politics: the role of the Spanish Constitutional Court in the state of autonomies. *Territory, Politics, Governance*, 8(2), 222-240. <https://doi.org/10.1080/21622671.2018.1557073>
- Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A., Niedzwiecki, S., Chapman-Osterkatz, S., & Shair-Rosenfield, S. (2016). *Measuring regional authority: a postfunctionalist theory of governance*. Vol. I. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198728870.001.0001>
- Houten, P., van. (2007). Regionalist challenges to European states: a quantitative assessment. *Ethnopolitics*, 6(4), 545-568. <https://doi.org/10.1080/17449050701607648>
- Huwylar, O., Tatham, M., & Blatter, J. (2018). Party politics, institutions, and identity: the dynamics of regional venue shopping in the EU. *West European Politics*, 41(3), 754-778. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1404822>
- Jensen, M.D., Koop, C., & Tatham, M. (2014). Coping with power dispersion? Autonomy, co-ordination and control in multilevel systems. *Journal of European Public Policy*, 21(9), 1237-1254. <https://doi.org/10.1080/13501763.2014.922861>
- Leon, S. (2017). Intergovernmental councils in Spain: challenges and opportunities in a changing political context. *Regional & Federal Studies*, 27(5), 645-665. <https://doi.org/10.1080/13597566.2017.1354850>
- Marangoni, F., & Tronconi, F. 2011. When territory matters: parliamentary profiles and legislative behaviour in Italy (1987-2008). *The Journal of Legislative Studies*, 17(4), 415-434. <https://doi.org/10.1080/13572334.2011.617549>
- Massetti, E., & Schakel, A.H. (2017). Decentralisation reforms and regionalist parties' strength: accommodation, empowerment or both? *Political Studies*, 65(2), 432-451. <http://dx.doi.org/10.1177/0032321716644612>

- Massetti, E., & Schakel, A.H. (2016). Between autonomy and secession: decentralization and regionalist party ideological radicalism. *Party Politics*, 22(1), 59-79. <https://doi.org/10.1177/1354068813511380>
- Massetti, E., & Schakel, A.H. (2018). A world of difference: the sources of regional government composition and alternation. *West European Politics*, 41(3), 703-727. <https://doi.org/10.1080/01402382.2017.1400237>
- Mueller, S., & Mazzoleni, O. (2016). Regionalist protest through shared rule? Peripherality and the use of cantonal initiatives in Switzerland. *Regional and Federal Studies*, 26(1), 45-71. <https://doi.org/10.1080/13597566.2015.1135134>
- Noble, B. (2019). Regional legislatures and national lawmaking. *The Journal of Legislative Studies*, 25(1), 143-147. <https://doi.org/10.1080/13572334.2019.1570597>
- Palermo, F., & Wilson, A. (2014). The multi-level dynamics of state decentralization in Italy. *Comparative European Politics*, 12(4-5), 510-530. <https://doi.org/10.1057/cep.2014.11>
- Pellegrina, L.D., & Garoupa, N. (2013). Choosing between the government and the regions: An empirical analysis of the Italian constitutional court decisions. *European Journal of Political Research*, 52(4), 558-580. <https://doi.org/10.1111/1475-6765.12003>
- Schnabel, J., & Mueller, S. (2017). Vertical influence or horizontal coordination? The purpose of inter-governmental councils in Switzerland. *Regional & Federal Studies*, 27(5), 549-572. <https://doi.org/10.1080/13597566.2017.1368017>
- Shair-Rosenfield, S., Schakel, A.H., Niedzwiecki, S., Marks, G., Hooghe, L., & Chapman-Osterkat, S. (2021). Language difference and regional authority. *Regional and Federal Studies*, 31(1), 73-97. <https://doi.org/10.1080/13597566.2020.1831476>
- Sorens, J. (2008). Regionalists against secession: the political economy of territory in advanced democracies. *Nationalism and Ethnic Politics*, 14(3), 325-360. <https://doi.org/10.1080/13537110802289670>
- Sternberg, S., Gschwend, T., Wittig, C., & Engst, B.G. (2015). Zum Einfluss der öffentlichen Meinung auf Entscheidungen des Bundesverfassungsgerichts: Eine Analyse von abstrakten Normenkontrollen sowie Bund-Länder-Streitigkeiten 1974-2010. *Politische Vierteljahresschrift*, 56(4), 570-598. <https://doi.org/10.5771/0032-3470-2015-4-570>
- Swenden, W. (2010). Subnational participation in national decisions: the role of second chambers. In H. Enderlein, S. Wälti, & M. Zürn (Ed.), *Handbook on Multi-level Governance* (pp. 103-123). Cheltenham, Northampton: Edward Elgar Publishing.
- Tatham, M. (2015). Regional voices in the European Union: subnational influence in multilevel politics. *International Studies Quarterly*, 59(2), 387-400. <https://doi.org/10.1111/isqu.12184>
- Tatham, M. (2019). Regions as lobbyists. In G. Abels, & J. Battke (Ed.), *Regional Governance in the EU. Regions and the Future of Europe* (pp. 211-230). Cheltenham: Edward Elgar Publishing. <https://doi.org/10.4337/9781788978620.00023>
- Toubeau, S. (2011). Regional nationalist parties and constitutional change: a framework for analysis. *Regional and Federal Studies*, 21(4-5), 427-446. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.578929>
- Toubeau, S., & Massetti, E. (2013). The party politics of territorial reforms in Europe. *West European Politics*, 36(2), 313-332. <https://doi.org/10.1080/01402382.2013.749657>
- Ugues, A., Jr., Vidal, M.D.X., & Bowler, S. (2017). Los Congresos Estatales y la Política Federal en México: state legislatures and federal policymaking in Mexico. *The Journal of Legislative Studies*, 23(4), 594-613. <https://doi.org/10.1080/13572334.2017.1394740>
- Panov, P.V. (2020). Many faces of regionalism. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, 102-115. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
- Panov, P.V. (2021a). Regionalism and multi-level politics: participation of regional actors in European projects. *Perm Federal Research Centre Journal*, 2, 72-82. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2021.2.7>
- Panov, P.V. (2021b). The database “Subnational regionalism and multilevel politics (REG-MLG)”. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 4, 111-120. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-111-120>

Литература на русском языке

- Панов П.В. 2020. Многоликий регионализм. *Вестник Пермского университета. Политология*. № 1. С. 102-115. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2020-1-102-115>
- Панов П.В. 2021а. Регионализм и многоуровневая политика: участие региональных акторов в европейских проектах. *Вестник Пермского федерального исследовательского центра*. № 2. С. 72-82. <https://doi.org/10.7242/2658-705X/2021.2.7>
- Панов П.В. 2021б. База данных “Субнациональный регионализм и многоуровневая политика (REG-MLG)”. *Вестник Пермского университета. Политология*. № 4. С. 111-120. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-111-120>